

* * *

Время бесснежья, сумерки бездорожья...
Только и светит сердцу, что искра Божья –
Звёздочка, фонарик, сырая спичка,
К белому свету спасительная привычка.

Ладно бы безвременье – часовая
Мчится по кругу, за веком не успевая,
Числа сбивая и вырывая с корнем
То, о чём мы уже никогда не вспомним.

К сумеркам взгляд привыкает, но слишком близко
Вспыхивает и гаснет сырая искра,
Только на миг ослепляя и обжигая –
И навсегда убеждая: она живая!

Время бесснежья кончается снегопадом,
Большим снегопадом – не видно того, кто рядом...
Руку отпустишь – и всё, уже нет ответа.
Но свет никогда не теряется в море света.

* * *

Ветер распрямившейся пружины
В грудь толкнёт – и вдруг очнёшься: ах,
Сколько детской радости стрижиной
В дерзких поднебесных чертежах,

В синих ослепительных эскизах,
В солнечной кайме по облакам...
Каждый летний день бросает вызов
Каменно слежавшимся векам.

Из заботы утренней дежурной,
Из дневной привычной суеты

День восходит башенкой ажурной
До невероятной высоты,

Где живут уже другие ветры,
Царствуют иные облака,
Где летишь, пока хватает веры,
Любишь и блаженствуешь пока...

* * *

В грязных берцах, широких чёрных штанах,
Куртках с жёлтыми буквами на спине,
Пересыпая словечки от бэ до нах,
Они идут по своей войне:
Бинтуют раны, курят в кулак, стреляют из-за угла –
Такие дела.

Вокруг супермаркет, ткани, туфли и сумочки от кутюр,
Или, скажем, пешеходная улица, выходной,
Полно детей, старушек и всяких беспечных дур
На каблуках и в шляпках... И тут они со своей войной.
И в тёплый воздух врывается ледяной.

Как наложение в фотошопе, или технический сбой портала,
Или музыка, упавшая на три октавы
В прах и скрежет, в тиски смотровых щелей,
В алый кирпич и доски свежих развалин.

Мы слишком привыкли к миру. Жалей или не жалей –
Он нереален.

Так занавеску срывает взрывной волной –
И на грязные берцы, тля, падают клочья.
Вот реальность. Она никогда не была иной,
И кто-то сейчас видит её воочью.

Мы не наивны. Мы честно предпочитаем ложь.
И нам пока ничего не мешает, ну разве кроме
Этих, в чёрном, идущих сквозь праздник жизни как нож
Сквозь тёплый хлеб, оставляя крошки и капли крови.

* * *

Рана ране – рознь. Сквозь грохот боли
Ничего не слышно. Но за ней
Небо голубое-голубое,
Золотое – алого синей.

Взгляд переживает эти всплески
Осторожно – веки не обжечь!
Из-за белоснежной занавески
Льётся как вода чужая речь,

Медленной прохладой в пламя плоти
Возвращая из небытия
Обрезать кровавые лохмотья,
Стягивать неровные края.

* * *

И я говорила: слушай, какого чёрта?
И ты отвечал наугад невнятное что-то.
И я говорила гневно: да как ты смеешь!
И вместе с платком из кармана летела мелочь.

И я умолкала – а ты начинал сначала,
А я всё равно не плакала и молчала.
Смотрела в глаза и думала: что ж такое!
И телефон вибрировал под рукою.

Такси у подъезда, и сердце вот-вот сорвётся,
Но даже если уеду – куда я денусь?
И в этот миг над нами стояло солнце,
Смотрело на нас и смеялось, словно младенец.

Смотрело на нас и смеялось, глаза прищуря,
Как будто наша ссора его слепила...
Свети, моё золотое, свети, прошу я,
Свети, моё единственное светило!

* * *

Как странно я жила! Как медленно дышала
Небесною водой немислимых глубин!
И тайный страх точил серебряное жало –
Но мир меня хранил, и ты меня любил.

Империя в дыму как белый храм на круче.
И тридцать лет прошло – а всё ещё в дыму.
И ты в чужом краю. Но так, наверно, лучше –
Мой странный дар теперь не нужен никому.

Мучительным глотком таинственной свободы
Насытилась душа, и обожглась, и к ней
Слетаются слова неведомой породы,
Светясь как снегири на тонких ветках дней.

Империя в дыму. Взгляд опуская долу,
Не высмотреть зари, не выдохнуть – беда!
Горе глаза, горе – где звёзды и глаголы,
Где ускоряет ток небесная вода.

* * *

До августа, до Ильина
В душе такая тишина...

Все грозы – мимо да окольно,
А если и к лицу лицом –
Проходят, словно колокольный
Глубокий гулкий сон.

И никакой громовой выстрел,
Ни всполох яростный над ним –
Но август! Самой малой искрой,
Небрежным выдохом одним,
Штрихом случайного касанья
Как тонкой спичкой по стеклу –
И жизнь горит, не угасая,
И смотрит пристально во мглу.

И в куще тающего зноя,
В толпе желтеющих деревьев
Становится, уже сгорев,
Неопалимой купиною.